

Раз уж второй господин Чэн решил всерьёз добиваться актёра, ему нужно было вести себя соответствующе подобным притязаниям. Исполняющий традиционную китайскую оперу Шан Сижуй с самого детства вживался в роли старинных персонажей. Его окутывала аура былых эпох, утончённая и изысканная, и вместе с тем несущая в себе свежее веяние — она в корне отличала [1] его от всех этих подражающих западным знаменитостям партнёров по танцам, с которыми прежде имел дело Чэн Фэнтай. Однако, будь то актёр или актриса, иностранная или отечественная звезда, подход к ним оставался одним и тем же, и признанный ценитель этого цветника Чэн Фэнтай успел всесторонне его освоить. Всякий раз, когда выступал Шан Сижуй, он заказывал множество больших корзин с цветами, подписывал их лаконичным «от второго господина» и велел расставить по обе стороны от входа в театр Цинфэн. Несколько дней спустя Шан Сижуй, равнодушный к подобной помпе, поблагодарил Чэн Фэнтая без особого энтузиазма, но вот его шурина, второго господина Фаня, это привело в такую ярость, что тот готов был топтать ногами.

[1] В корне отличала — 院 [jùnting] — в букв. пер. «тропинка и двор».

Он подстерёг Чэн Фэнтая в одиннадцать утра, зная, что раньше тот с постели не встанет, а после этого бесследно исчезнет. Теперь вместо того, чтобы играть в маджонг, он каждую ночь изливал Шан Сижую всё, что накопилось на сердце, ведя с ним душевные разговоры до самого рассвета. Накануне эти двое прогуливались вокруг озера Хоухай [2], и даже когда их носы и уши покраснели от мороза, они всё не желали расстаться, потому что им так много нужно было высказать друг другу, и вернулись домой хорошо за полночь. Теперь же Чэн Фэнтай валялся в постели в полудрёме. Услышав, что кто-то заходит в комнату, он принял его за слугу и хрипло приказал:

— Поддай горячее полотенце!

[2] Озеро Хоухай 湖 [Hòuhǎi] — в букв. пер. «Заднее море» — искусственное озеро в районе Сичэн центральной части Пекина, выкопанное при династии Юань. Вместе с Цяньхай 前 [Qiánhǎi] — «Передним морем» и Сихай 西 [Xīhǎi] — «Западным морем» составляет исторический район Шичахай 十 [Shíchàhǎi] — «море десяти храмов».

Подробнее см. примечания в конце главы.

Усевшись на край кровати, Фань Лянь устремил на него сердитый взгляд. Какое-то время Чэн Фэнтай лежал без движения. Наконец открыв глаза, он при виде Фань Ляня вновь их зажмурил и перевернулся на другой бок.

— Чего пришёл?

— Если собрался волочиться за актёром, меня-то зачем в это втягивать? — мрачно спросил тот.

— О чём это ты? — невнятно промычал Чэн Фэнтай: он не припоминал, чтобы они с шурином договаривались делить и Шан Сижую.

— Посылаешь Шан Сижую корзины цветов — и ладно, но зачем подписывать их «от второго господина»?

— Ну подписываю, и что с того?

— Да кем ты себя возомнил? Даже фамилию свою указать не удосужился! Ты что, думаешь, ты единственный второй господин во всём Бэйпине, а с другими можно и не считаться?

— Ну, ты ещё есть, — лениво потягиваясь под одеялом, отозвался Чэн Фэнтай. — Ты тоже второй. Ну и что ты расшумелся, второй господин?

Как выяснилось, история выдалась воистину анекдотическая. Оказывается, Фань Лянь выклянчил у Шан Сижую два билета, чтобы сводить на его представление донельзя современную и высококультурную студентку, от которой он в последнее время был без ума, и у входа в театр Цинфэн их встретили те самые ряды корзин «от второго господина». Так случилось, что Фань Лянь наткнулся на приятеля, такого же юного прожигателя жизни [3], как он сам. При виде очаровательной девушки рядом с ним тот принялся изощряться в двусмысленных приветствиях, поигрывая бровями и сопровождая это непристойными намёками и подмигиваниями. В памяти студентки тут же всплыли отрывки из произведений «Школы уток-мандаринок и бабочек» [4], и картина в её голове сложилась во всей полноте.

[3] Прожигатель жизни — 纨绔子弟 [wánkù zǐdì] — в букв. пер. «младшее поколение в тонких белых шёлковых панталонах», обр. о представителях аристократической молодёжи, «золотая молодёжь», «мажор».

[4] «Школа уток-мандаринок и бабочек» 鸳鸯蝴蝶派 [yuānyāng húdié pài] — литературное направление начала XX века, в основе которого лежали любовные сюжеты с уклоном в сентиментальность и мелодраму. Название появилось из романа «Цветы в лунном свете», также носило название «Школа субботы» 礼拜派 [lǐbàilì pài]. Пользовалось популярностью в Шанхае 1910–1920-х годов. Его клеймили за пошлость стиля и сюжетов и отрыв от реальности, но именно оно легло в основу массовой литературы для горожан Китая.

Потянув за подписанную ленту на корзине, она напрямую спросила у Фань Ляня:

— Второй господин Фань, ты же неспроста купил эти билеты? — на что тот простодушно признался, что их ему прислал Шан-лаобань. Тогда последовал новый вопрос:

— Когда вы познакомились с Шан-лаобанем?

— О, давненько, ещё в Пинъяне.

— Так это правда! — ухмыльнулась девушка. — Я слышала, что тогда господин Фань добивался внимания Шан Сижую в Пинъяне, вот только он остался безучастным, потому что любил Цзян Мэнпин. А когда Шан Сижуй отправился в Бэйпин, ты не раздумывая бросился за ним в такую даль, ведь твоя слепая страсть к нему не остыла. Но я не потерплю, чтобы в своих попытках подольститься к нему ты использовал меня для удовлетворения своих потребностей! Фань Лянь, я тебя презираю!

Она так разошлась, что швырнула ленту оземь, развернулась и убежала, звонко цокая высокими каблучками. Фань Ляню, машиной которого она наотрез отказалась воспользоваться, оставалось только провожать взглядом удаляющуюся фигурку, про себя поражаясь причудливости [5] и вездесущести слухов — ну а после он не преминул подкараулить зятя в его постели, чтобы отыгаться на нём и потребовать возмещения ущерба.

Выслушав его, Чэн Фэнтай чуть не помер со смеху. Он резко сел на кровати и, не удосужившись одеться, пошёл налить себе чаю. Говорят, что не бывает дыма без огня [6], но что же это за сплетня такая, которая, пройдя кружным путём, зацепила даже его шурина? Если думать об этом шире, то, если в слухи о каких-то тайных чувствах между Шан Сижуюем и Чан Чжисинем ещё можно поверить, как вообще сюда приплели Фань Ляня?

[5] Причудливость — в оригинале чэньюй 五花八门 [wǔhuā bāmén] — в пер. «пять цветов, шесть

ворот», обр. в знач. «разнообразный», «разнородный», «изменчивый», «всякая всячина».

[6] Не бывает дыма без огня — в оригинале чэньюй 空空 [kōng xué lái fēng] — в пер. «ветер из пустой пещеры» — имеется в виду, что, как пустая пещера притягивает ветер, так и человеческие слабости притягивают слухи.

Подробнее см. примечания в конце главы.

— Что бы там ни болтали люди, я верю, что между тобой и Шан Сижуюм ничего не было, — со смехом заключил Чэн Фэнтай. — Так что не бойся, я не стану тебя бить.

«Ты не станешь? — вне себя от злости, подумал Фань Лянь. — Да я сам пришёл, чтобы навалить тебе как следует!» Только он собирался ответить гневной отповедью, как вторая госпожа, полагая, что Чэн Фэнтай уже проснулся, явилась с девочкой-служанкой, чтобы помочь ему одеться и подать полдник. Разумеется, перед лицом старшей сестры Фань Лянь был вынужден проглотить все свои обвинения и сел за стол с Чэн Фэнтаем, чтобы разделить с ним закуски и выпивку. За едой вторая госпожа не преминула упрекнуть его:

— Второй братец, в какие такие проделки ты втравил своего старшего зятя, что он в последнее время возвращается так поздно? К тому времени, как он идёт спать, уже петухи кричат! Право, это никуда не годится.

Вторая госпожа закрывала глаза на любые проступки своего молодого муженька, а младшего брата чуть что лишала содержания. Фань Лянь уже потерял счёт таким вот несправедливым обвинениям вроде их поздних возвращений, так что привык попросту пропускать их мимо ушей. Но на сей раз за зятем и шурином и впрямь водился грешок, притом немалый, так что при этих словах оба слегка переменялись в лице.

Чэн Фэнтай, который как раз зачерпнул ложку супа, покосился на Фань Ляня и кашлянул. Значение этого сигнала было кристально ясным: какие бы разногласия между ними ни возникали, это не более чем шуточная ссора, так что не следует открывать второй госпоже истинную подноготную. Бросив на него ответный взгляд, Фань Лянь волей-неволей собрался с силами и употребил всё своё красноречие, чтобы умаслить старшую сестру. И как всегда, ему удалось без особого труда обвести её вокруг пальца: разумеется, она догадывалась, что Фань Лянь говорит ей не всю правду, но не придавала этому большого значения. Когда они только поженились, она не раз закатывала Чэн Фэнтаю сцены ревности из-за его ветрености, и стоило ей смирить гнев после ссоры, как старые привычки брали верх и всё начиналось заново. Теперь же, спустя столько лет, когда у них уже родились дети, её негодование поблёкло, и перебранки по этому поводу сошли на нет. К тому же, разве не все главы состоятельных семей вели себя так же? Если жена будет возмущаться, то её саму же упрекнут в недостатке добродетели и нарушении устоявшихся порядков.

После полдника вторая госпожа собрала посуду со стола и ушла, вновь оставив брата и мужа наедине. Гнев Фань Ляня уже успел поутихнуть, так что он, скрестив руки, закурил вместе с Чэн Фэнтаем. Вспомнив, что наговорил сестре, он в кои-то веки ощутил укол вины.

— Старший зять, думаю, ты и без меня знаешь, что Шан Сижуй отличается от всех, с кем у тебя прежде были интрижки.

Чэн Фэнтай отдал должное его прозорливости:

— Само собой.

— Я не то имел в виду, — помедлив, добавил Фань Лянь. — Тем, с кем ты прежде связывался, достаточно было подкинуть немного денег — ну а потом ещё немного, чтобы они оставили тебя в покое. Пара серебряных долларов — и весь вопрос. Но Шан Сижуй не такой. Если он впадёт в безумие, ты не сможешь с ним совладать. Не следует забывать, и насколько он знаменит: всё, к чему он причастен, вмиг станет известно широкой публике. — Фань Лянь указал подбородком на дверь. — Случись что, как ты объяснишь это моей сестре?

Его предупреждение и впрямь проняло Чэн Фэнтая. Все знали, что Шан Сижуй в приступе сумасшествия не остановится даже перед окончательным разрушением репутации, так что хорошего финала тут ждать не приходится. Люди обожали его и перемывали ему косточки, пока он был для них далёкой фигурой со сцены, но при этом боялись, что однажды его разум вновь затуманят мирские желания, превратив его в смутьяна, способного учинить переполох во всех трёх сферах мироздания. Среди этих тысяч почитателей лишь у одного Чэн Фэнтая хватало смелости искренне любить Шан Сижую.

Чэн Фэнтай с серьёзным видом неторопливо затянулся и так же медленно выпустил дым.

— Я тоже думал об этом. Но, даже зная, что на горе тигр, я всё равно туда поднимусь. На то, чтобы стоять под стеной, что вот-вот обвалится, требуется немалое мужество!

Эти слова поневоле всколыхнули сердце Фань Ляня. Как и Чэн Фэнтай, в обычной жизни он был бизнесменом, приземлённым и прагматичным, однако западное образование наградило Фань Ляня глубоким пониманием эмоциональных тонкостей, что отличало его от большинства дельцов, в которых не было ни на волос романтики. Раз уж пробудились такие порывы, речь явно не о случайной интрижке.

— Тут дело не в мужестве, — вздохнул он, понимая Чэн Фэнтая лучше, чем кто-либо другой, — а в искренности чувств.

— Верно говоришь, — покивал Чэн Фэнтай. — Больше скажу: твои слова всегда наделены глубоким смыслом — ты безошибочно подмечаешь самое главное.

— Хватит заговаривать мне зубы [7], — фыркнул Фань Лянь. — Расстроил мои отношения с красавицей и надеешься отделаться парой лестных слов?

[7] Заговаривать зубы — в оригинале 拍馬 (pāimǎ) — в пер. «похлопывать лошадь», обр. в знач. «льстить, подхалимствовать». В древности на обширных пастбищах на северо-западе Китая паслись бесчисленные стада лошадей, каждая семья держала по несколько голов и превыше всего гордилась превосходными скакунами, а потому, когда люди встречались, то обычно говорили о лошадях. Если присутствовала сама лошадь, то её похлопывали по крупу, проверяя, сколько жира она нагуляла, а потом приговаривали: «Вот добрая лошадь!» По мере распространения этой обычая люди стали, похлопывая, хвалить любую лошадь, независимо от её качеств — отсюда возникла идиома 拍馬 (pāimǎ) — в букв. пер. с кит. «похлопывать лошадь», обр. в знач. «льстить, подхалимствовать».

Чэн Фэнтай стряхнул пепел, про себя усмехнувшись: «Можно подумать, ты понёс невосполнимый ущерб».

— Тебе же пришлось по душе декадентская музыка шанхайских набережных? Помнишь ту певичку, которой я покровительствовал пару лет назад, её ещё звали Rose [Роуз]? В клубе «Парамаунт» [8] она пользовалась немалой популярностью. Но теперь, когда у меня есть Шан Сижуй, она мне больше не нужна, можешь забирать!

[8] «Парамаунт» 百樂門 [Bǎilèmén] в букв. пер. «Ворота ста удовольствий» — исторический развлекательный центр, объединяющий в себе ночной клуб, танцевальный зал и кинотеатр, находится по адресу улица Юйюань 218 в районе Шанхая Цзинъань. После открытия в 1933 г. он стал самым большим и знаменитым танцевальным залом в Шанхае.

Подробнее см. примечания в конце главы.

— Думаешь, она вот так просто переходит из рук в руки? — усмехнулся Фань Лянь.

— Скажи, что ты от меня — это точно сработает.

Фань Лянь явно колебался.

— Ну смотри, если она лишь плюнет мне в физиономию, я так же разрушу ваши отношения с Шан Сижуюем, так и знай! — заявил он перед уходом.

«Для начала нужно, чтобы было что портить, а там уж и грозись», — ответил про себя Чэн Фэнтай.

Тем же вечером Чэн Фэнтай ровно в десять заехал за Шан Сижуюем после спектакля: ему не терпелось пересказать тому свежееиспечённый анекдот. Он не решался появляться в театре слишком рано: если прежде второй господин мог беззаботно болтать и перешучиваться с актрисами, то теперь ему приходилось уклоняться от общения с ними, дабы не вызвать подозрений у Шан Сижуюя. Подождав, пока все они разойдутся, Чэн Фэнтай проследовал по тёмному переулку напрямиком в гримёрную.

Шан Сижуй уже отослал сяо Лай, чтобы их тайному свиданию никто не мешал, и сейчас сидел перед зеркалом: закрыв глаза и запрокинув голову, он снимал макияж при помощи масла. Поняв по звуку открывшейся задней двери, что это Чэн Фэнтай, он остался сидеть неподвижно, лишь уголки губ приподнялись. Расплывшись в улыбке, Чэн Фэнтай снял перчатки, тихо подошёл к Шан Сижуюю и, встав за спиной, принялся бережно разминать его плечи.

— Ты только посмотри, ты весь мокрый от пота, — заметил он, ощутив влажность ткани под ладонями.

От души наслаждающийся массажем Шан Сижуй улыбнулся в ответ:

— А как иначе? Моя энергия инь сильна, а энергия ян — слаба: большинство актёров-мужчин в амплу дань не в состоянии этого вынести. Игра женщин хороша, но им недостаёт выносливости.

— При случае найди мальчика, который талантлив и в пении, и боевых искусствах, — принялся убеждать его Чэн Фэнтай. — Даже если нужно будет выкупить его, о деньгах не беспокойся. Это всяко лучше, чем так изнурять себя.

Шан Сижуй согласился не раздумывая. Прижав ладонь Чэн Фэнтая к плечу, он спросил:

— Почему второй господин больше не ходит на мои представления?

Сейчас Шан Сижуй пребывал в состоянии духовного подъёма: накануне прогуляв до полуночи, на следующий день он мог выступать как ни в чём не бывало. Чэн Фэнтай, который наутро,

напротив, не мог встать с постели, чтобы, подобно ему, приступить к работе, со смехом отозвался:

— Разве я всякий раз не присылаю тебе корзины цветов?

— И зачем мне эти твои корзины? Я хочу, чтобы ты сам пришёл.

— Ну хорошо, теперь не пропущу ни одного твоего выступления.

Обменявшись замечаниями про цветы, Чэн Фэнтай наконец приступил к анекдоту, которым так спешил поделиться. Когда он в ярких красках [9] обрисовал неудачную интрижку Фань Ляня с некой MISS [мисс], Шан Сижуй расхохотался с такой силой, что чуть не вылил масло для снятия грима себе за ворот. Быстро стерев его и заодно сняв остатки грима, он со смехом поведал:

— Не везёт второму господину Фаню в любви [10]. Ещё в Пинъяне было притчей во языцех, что ни с одной из девушек, на которую он положил глаз, ему не удалось добиться успеха — неудивительно, что в итоге ему только и оставалось переключиться на бордели [11]. — Склонившись над столом, чтобы ополоснуть лицо, он сочувственно спросил: — Так мне впредь прекратить водить дружбу со вторым господином?

[9] В ярких красках — в оригинале чэньюй 添枝加叶 [tiānzhī jiāyè] — в букв. пер. «прибавлять ветви и листья», обр. также в знач. «приукрашивать», «нести отсебятину», «выдумывать».

[10] Не везёт в любви — в оригинале 桃运不济 [táohuāyùn shì bù zěnme hǎo] — в букв. пер. «судьба персикового цветка не очень хороша», где «судьба персикового цветка» 桃运 [táohuāyùn] — успех в любви.

Подробнее см. примечания в конце главы.

[11] Бордель — в оригинале чэньюй 烟花地 [yānhuā zhī dì] — в букв. пер. «земля цветов в туманной дымке», где «цветы в туманной дымке — поэтическое описание прекрасного весеннего пейзажа, образно также «женщина лёгкого поведения».

Подробнее см. примечания в конце главы.

— Это почему же? — безразлично бросил Чэн Фэнтай. — Делай как хочешь, мне всё равно.

Шан Сижуй с радостной улыбкой обернулся к нему. На покрытом каплями воды лице особенно выделялись чернильные брови, придавая его лицу осенённое талантом изящество. Шан Сижуй всем говорил, что ему девятнадцать лет, но, поскольку его в труппу продал работорговец, точность его возраста внушала сомнения: торговцы людьми частенько добавляли ребёнку пару лет, чтобы проще было сбыть его с рук. Глядя на его лицо, Чэн Фэнтай видел во многом ещё детские черты: округлые щёки, нежные губы — на вид ему можно было дать не более шестнадцати-семнадцати лет. Пару лет спустя он и впрямь превратится в мужчину, и кто знает, каким красавцем он станет?

При виде глубокой преданности в устремлённом на него взгляде Чэн Фэнтая, Шан Сижуй послушно угнездился в его объятиях, вытирая лицо прямо о его пальто. Крепко обхватив его талию руками, Чэн Фэнтай поцеловал его в макушку, и Шан Сижуй вновь уткнулся носом ему в грудь, будто зверёк в поиске тепла — на настоящий момент это было самым интимным, что они себе позволяли. Будучи искушёнными в любовных делах мужчинами, они, достигнув глубокого взаимопонимания и близости, согласно былым привычкам должны бы, дав волю страсти,

разделить подушку подобно супругам, однако из-за бережного отношения друг к другу оба вели себя необычайно застенчиво. Шан Сижуй уже говорил, что ему нужно это обдумать, и Чэн Фэнтай не знал, пришёл ли тот к какому-то решению, да и спрашивать не торопился: он просто наслаждался общением с ним, не желая ускорять события — словом, вёл себя как истинный джентльмен.

Каждую ночь после выступления Шан Сижуй они в разгар студёной зимы прогуливались вокруг озера Хоухай. Чэн Фэнтай всегда был не дурак молоть языком, и Шан Сижуй от него не отставал: стоило им зацепиться за какую-то тему, и эти двое не умолкали по три-четыре часа кряду. Лао Гэ медленно ехал позади них, освещая им дорогу. В лютый мороз их согревала сила чувств, руки и ноги будто наполняла весенняя бодрость, так что они вовсе не ощущали холода. И всё же, глядя на них со стороны, лао Гэ не мог не переживать: у него в голове не укладывалось, отчего его второй господин внезапно превратился в робкого студента, забавляющегося этими невинными уловками. Ну какой смысл во всех этих прогулках рука об руку и разговорах? Ведь очевидно, что мальчишка уже заглотил наживку, так почему бы им попросту не снять комнату в отеле и провести отличную ночь вдвоём?

Внезапно Шан Сижуй остановился и, опустив голову, дважды чихнул. Чэн Фэнтай заботливо подоткнул ему шарф и с улыбкой пообещал:

— Я потом отыщу свою норковую шубу и отдам тебе. Шан-лаобань в этих пушистых мехах будет смотреться очень мило.

— В ней я буду похож на нувориша, — со смехом вытер нос Шан Сижуй.

— Это я в ней похож на нувориша, а Шан-лаобань будет вылитый кролик-оборотень. — Едва у Чэн Фэнтая вырвались эти слова, он тут же пожалел о них: положение Шан Сижуй как исполнителя в амплуа дань было весьма щекотливым — дёрнул же чёрт сравнить его с кроликом [12]! На самом деле, у Чэн Фэнтая на уме было вовсе не это. Однако, взглядевшись в лицо Шан Сижуй, он убедился, что тот явно не уловил скрытого значения его слов: вместо этого он, наморщив нос, простодушно улыбнулся. От его бесхитростной улыбки на сердце Чэн Фэнтая будто распустились весенние цветы, и он не удержался от того, чтобы тут же заключить его в нежные объятия.

[12] В Бэйпине того времени кролик 兔 [tùzi] образно - молодой актёр в амплуа дань, вступающий в связь с богатыми поклонниками. В Шанхае имело более грубое значение - мужчина, торгующий своим телом.

Шан Сижуй похлопал его по спине, с улыбкой напомнив:

— Второй господин, нам пора по домам, пусть я ещё о многом хотел бы тебе рассказать.

Чэн Фэнтай взглянул на часы — и впрямь было очень поздно, однако он не желал расставаться с молодым актёром. Наклонившись ближе, он фривольно прошептал ему на ухо:

— Шан-лаобань не пожелает приютить меня под своим кровом этой ночью?

Глаза Шан Сижуй тут же загорелись:

— Второй господин, я так давно ждал, пока ты это предложишь!

Глаза Чэн Фэнтая также просияли. Все считали его тем ещё дебоширом, но в итоге он повстречался с тем, в чьём тихом омуте таится ещё больше чертей.

— Раз давно ждал, чего ж не сказал?

— Потому что чувствовал, что, хоть второй господин со всеми такой дружелюбный и открытый, сблизиться с ним непросто. Вот я и не осмеливался приглашать тебя к себе домой.

Догадка Шан Сижую была абсолютно верна: при том, что внешне Чэн Фэнтай был сплошные шутки-прибаутки, это напускное дружелюбие не имело ничего общего с его подлинными чувствами.

— Тебе следует знать, что к тебе я всегда относился иначе, — сжав руку Шан Сижую, заверил Чэн Фэнтай, про себя сожалея, что из-за его опасений они потеряли столько времени.

От его слов растрогался и Шан Сижуй.

Как всегда, лао Гэ поехал сперва на северную половину улицы Логу, чтобы завезти Шан Сижую домой, вот только на сей раз его хозяин внезапно распорядился:

— Езжай домой и поспи, а утром подгонишь сюда машину. Если вторая госпожа спросит, просто скажи, что я остался играть в маджонг у господина Фаня. — Он вышел из машины и направился к воротам, всё так же держась за руки с Шан Сижуюем. Ну а о том, что случилось после этого, лао Гэ не нужно было ни гадать, ни говорить — и так всё понятно.

Отчего-то лао Гэ, будучи сторонним наблюдателем, ощутил подлинную радость за второго господина Чэна, которому наконец-то предстояла чудная ночь. Кивнув, он добавил про себя: «Да, вот это правильно! Это — тот второй господин, которого мы знаем! Быть того не может, чтобы в наши дни он не мог добиться какого-то там актёра».

Сяо Лай в одиночестве ждала Шан Сижую дома. Ворота, как всегда, были крепко заперты на засов, но у неё был острый слух: стоило Шан Сижую тихонько постучать, как она тут же выбежала во двор и отворила ворота. Прежде чем сяо Лай успела спросить, не замёрз ли и не проголодался ли Шан Сижуй, следовавший за ним человек толкнул створку и проскользнул во двор.

— Барышня сяо Лай, — расплылся в лъстивой улыбке Чэн Фэнтай. — Прошу прощения за беспокойство, мне правда очень неловко.

Он был так подчёркнуто вежлив с ней, потому что знал, что эта девчонка имела для Шан Сижую особое значение: хоть в глазах посторонних она была не более чем его служанкой, на самом деле они были всё равно что брат и сестра, так что она имела на него большое влияние. Тем необычнее была холодность, с которой она относилась к Чэн Фэнтаю — тот ещё никогда не встречал женщину, которую ему не удалось бы очаровать!

Сяо Лай воззрилась на Шан Сижую с гневным недоумением, будто тот только что её предал. Прежде, с кем бы Шан Сижуй ни сблизился, он, случалось, проводил ночь у этого человека, но никогда не приводил никого домой. Что же за тип этот Чэн Фэнтай?!

Шан Сижуй видел, что она злится, но он не умел умамливать людей, поэтому лишь стоял с глупым видом и смущённо посмеивался.

— Раздобудь горячей воды, мне нужно умыться, — велел он девушке. — Я хочу поговорить со

вторым господином Чэном об опере!

— Верно-верно, — с улыбкой поддакнул Чэн Фэнтай. — Мы будем обсуждать оперу!

«Знаю я, что за оперу среди ночи можно обсуждать с таким мерзавцем, как ты — уж явно это будет либо “Искушение цинем” [13], либо “Призрачный союз” [14]», — чуть не вырвалось у сяо Лай. Она молча отправилась за водой, но на её лице застыло каменное выражение под стать самой холодной девятидневке года [15]>.

[13] «Искушение цинем» 青田歌 [Qíntiāo] — ария из пьесы в жанре чуаньци «Повесть о нефритовой шпильке» 玉簪记 [Yùzān jì] драматурга эпохи Мин Гао Ляня (XVI в.), одна из самых известных арий классической китайской оперы. В пьесе повествуется о том, как племянник настоятельницы монастыря Пань Бичжэн полюбил ставшую монахиней из-за жизненных перипетий Мяочан и выразил переполнявшие его чувства, сыграв на цине — Мяочан рассердилась на него для вида, но в итоге ответила взаимностью на чувства молодого человека.

Подробнее см. примечания в конце главы.

[14] «Призрачный союз» 幽閻 [Yōuyān] — известнейшая ария из пьесы «Пионовая беседка» 牡丹亭 [Mǔdāntíng] (1598) драматурга династии Мин Тан Сяньцзу (1550–1616). Согласно сюжету, барышня Ду Линян, задремав в весеннем саду, во сне увидела молодого учёного Лю Мэнмэя и полюбила его. Не в силах забыть героя сна, она умирает от тоски по нему. Ария «Призрачный союз» повествует о том, как её дух приходит к нему и проводит с ним ночь.

[15] Самая холодная девятидневка 三九 [sānjiǔ hán dòng] — третья из девяти холодных девятидневок после Зимнего солнцестояния — Дунчжи, приблизительно с 19 по 27 января, считается наиболее холодной. На Зимнее солнцестояние холодная энергия инь достигает своего пика, однако из-за постепенного остывания земли и воздуха, холоднее всего становится после 19 числа, а после 27-го числа энергия ян начинает пробуждаться и постепенно теплеет. Период является антиподом Саньфу 三伏 [Sānfú] — «собачьей жары», трёх самых жарких десятидневок.

— Похоже, характер у барышни сяо Лай не сахар, — заметил Чэн Фэнтай. — Нелегко будет подыскать ей мужа.

— Да нет, на самом деле у сяо Лай неплохой характер, — не уловив намёка [16], ответил Шан Сижуй. — Она с детства такая, но сердце у неё очень доброе. — Он потянул Чэн Фэнтая за руку: — Второй господин, тут холодно, давай зайдём в дом.

В этом крохотном сыхэюане [17] Шан Сижуй занимал центральную часть. В восточном крыле жила сяо Лай, а западное было завалено костюмами, головными уборами, музыкальными инструментами и инвентарём для отработки боевых искусств труппы «Шуйюнь». По центру двора высилась кряжистая слива. Легендарная резиденция Шан выглядела донельзя просто. Комната Шан Сижуй тоже была совершенно пуста, в ней не было никаких предметов убранства — лишь четыре голые стены, что придавало ей бедный вид. Тем не менее, здесь было очень чисто: на столе и полу ни пылинки — в этом была несомненная заслуга сяо Лай.

[16] Не уловив намёка — в оригинале 木知木觉 [mù zhī mù jué] выражение из диалекта у, букв. «бревно знает, бревно чувствует», обр. о человеке, который погружён в свои мысли и поэтому не отражает, что происходит вокруг него, или просто по жизни «не догоняет».

[17] Сыхэюань 四合院 [sìhéyuàn] — тип старой городской застройки в Китае, наименьшая единица

административно-территориального деления. Обычно представляют собой узкие проходы между домами, часто одно— или двухэтажными, образуют сложную сеть, соединяющую городские кварталы. Главные ворота и фасад главного здания сыхэюаня чаще всего обращены к югу.

Осмотревшись, Чэн Фэнтай поцокал языком:

— Шан-лаобань, для такой звезды, как ты, твоя комната чересчур неприглядная.

Шан Сижуй тоже огляделся.

— Но разве это не прекрасно? Благодаря тому, что здесь так пусто, когда идёт дождь, я могу тренироваться прямо тут.

— Тренироваться? И что же ты отработываешь?

— Растягиваю руки и ноги, отработываю сальто и прыжки, ходьбу на ходулях, а ещё технику трости рода Шан.

Хоть всё это было чистой правдой, Чэн Фэнтаю по-прежнему казалось, что Шан Сижуй морочит ему голову: он никак не мог представить, чтобы тот всерьёз размахивал мечом или палкой.

Тут как раз сяо Лай принесла остуженную воду с очага, но она приготовила умывальные принадлежности только для хозяина, подчёркивая, что Чэн Фэнтаю тут не рады. Но она и представить не могла, насколько он бесстыжий: лёгкой холодности было не по силам остудить его горячее предчувствие предстоящей ночи с Шан Сижуюем.

— Ты почему для второго господина ничего не принесла? — упрекнул её Шан Сижуй.

— Не стоит беспокоиться, я воспользуюсь твоими, — с улыбкой заверил Чэн Фэнтай.

— Куда же это годится? Сяо Лай...

Та не двинулась с места, искоса глядя на них.

Бросив на неё быстрый взгляд, Чэн Фэнтай принялся его уговаривать:

— Это почему же? Ты что, меня гнушаешься?

Разумеется, тут Шан Сижую возразить было нечего. Когда он прополоскал рот, Чэн Фэнтай взял его чашку и зубной порошок и тоже принялся полоскать рот, а потом после него протёр лицо всё ещё тёплой водой. В довершение всего эти двое засунули ступни в один таз и стали дурачиться, наступая друг другу на ноги, так что залили весь пол. Наблюдавшая за ними сяо Лай была вне себя от отвращения и гнева: знай она заранее, насколько беспринципен этот субъект, то почла бы за лучшее подать ему все необходимые принадлежности!

После мытья ног Чэн Фэнтай растянулся на постели Шан Сижуюя, наслаждаясь уютом, будто у себя дома. Прижавшись к нему, Шан Сижуй задремал на одной подушке с ним. Лицо сяо Лай, казалось, было выковано из железа: забрав таз и полотенце, она ушла, оставив им тусклую масляную лампу, похожую на фасолину. Выйдя на улицу, она какое-то время в оцепенении стояла под снегом, пока руки и ноги не покраснели на морозе.

Примечания переводчика:

[2] Озеро Хоухай 湖海 [Hòuhǎi] — в букв. пер. «Заднее море» — искусственное озеро в районе Сичэн центральной части Пекина, выкопанное при династии Юань.

Вместе с Цяньхай 前海 [Qiánhǎi] — «Передним морем» и Сихай 西海 [Xīhǎi] — «Западным морем» составляет исторический район Шичахай 十刹海 [Shíchàhǎi] — «море десяти храмов», который также назывался Цзишуйтань 积水潭 [jǐshuǐtān] — «водохранилище» и Хэянь 河沿 [Héyán] — «поречье», расположенный к северо-западу от Запретного города и к северу от парка Бэйхай. Во времена династии Юань здесь был оживлённый порт на Великом китайском канале, где швартовались баржи с юга реки Янцзы. С XVI в. три озера были объединены в единую водную систему. Как свидетельствует название района, здесь располагается множество знаменитых буддийских и даосских храмов, а также парки и поместья (в частности, находящиеся неподалёку от озера Хоухай особняк Гун-вана и Чунь-цинвана). Сейчас на берегах озера Хоухай расположено множество популярных ресторанов, баров и кафе.

[6] Не бывает дыма без огня — в оригинале чэньюй 空穴来风 [kōng xué lái fēng] — в пер. «ветер из пустой пещеры» — имеется в виду, что, как пустая пещера притягивает ветер, так и человеческие слабости притягивают слухи. Выражение зародилось в поэме поэта времён Враждующих царств Сун Юя (290?-222? до н. э.) «Ода ветру», где он пишет: «Как искривлённые ветви терновника привлекают гнёзда, так и пустота пещеры притягивает ветер», имея в виду, что у всего есть своя причина, в том числе и для слухов. Однако в XX веке эту идиому начали употреблять в противоположном значении: «раз пещера пуста, то и ветер из неё не дует, а следовательно, слух беспочвен», так что из «нет дыма без огня» она преобразилась в «необоснованные слухи».

[8] «Парамаунт» 百乐门 [Bǎilèmén] в букв. пер. «Ворота ста удовольствий» — исторический развлекательный центр, объединяющий в себе ночной клуб, танцевальный зал и кинотеатр, находится по адресу улица Юйюань 218 в районе Шанхая Цзинъань. Основанный группой шанхайских банкиров, после открытия в 1933 г. он стал самым большим и знаменитым танцевальным залом в Шанхае. Шанхайский архитектор Ян Силю спроектировал здание на углу квартала в стиле модерн, с закруглённым фасадом из вертикальных панелей и сияющим ночью высоким стеклянным куполом. Массивный фасад контрастировал с уютом разделённого на залы внутреннего пространства. Под подом большого танцевального зала помещались пружинящие рессоры, а малый танцевальный зал на втором этаже был выложен ячеистым стеклом с разноцветной подсветкой. В годы расцвета в клубе проводились патриотические мероприятия и «Русские балы» — благотворительные вечера в пользу русских эмигрантов. Спустя три года после открытия клуб прогорел и превратился в кабаре с наёмными танцовщицами, танцам аккомпанировал Олег Лундстрем, известнейший джазмен, один из создателей и многолетний руководитель Государственного камерного оркестра джазовой музыки, который сейчас носит его имя. В 1956 г. клуб был закрыт и переоборудован в кинозал, стеклянный купол был демонтирован. В XXI в. он сперва играл роль нишевого танцевального зала для любителей старомодных танцев, затем после трёхлетней реконструкции он вновь открылся в 2017 г. как ночной клуб.

[10] Не везёт в любви — в оригинале 桃花运不好 [táohuāyùn shì bù zěnmě hǎo] — в букв. пер. «судьба персикового цветка не очень хороша», где «судьба персикового цветка» 桃花运 [táohuāyùn] — успех в любви.

Идиомами, связанными с персиком, романтические отношения описываются, в частности, в гадании бацзы, где «правильный цветок персика» 正桃花 [zhèngtáohuā] означает стабильные гармоничные отношения, «внутренний цветок персика» 内桃花 [nèitáohuā] — счастливый брак, «гнилой цветок персика» 烂桃花 [làntáohuā] — склонность выбирать неподходящих партнёров, запутанные или проблемные связи, «внешний цветок персика» 外桃花 [wàitáohuā] — склонность к

изменам. Появление в гороскопе «звезды персика» Сяньчи 咸池 [Xiánchí] сулит человеку повышенную привлекательность, но её же называют «убийцей персика», в определённой позиции приводящей к неверности, скандалам и потерям.

[13] «Искушение цинем» 琴心 [Qíntiāo] — ария из пьесы в жанре чуаньци «Повесть о нефритовой шпильке» 玉簪 [Yùzān jì] драматурга эпохи Мин Гао Ляня (XVI в.), одна из самых известных арий классической китайской оперы. В последующие эпохи арии куньюй из этой пьесы часто исполнялись на сцене отдельно. В пьесе повествуется о том, как племянник настоятельницы монастыря Пань Бичжэн полюбил ставшую монахиней из-за жизненных перипетий Мяочан и выразил переполнявшие его чувства, сыграв на цине — Мяочан рассердилась на него для вида, но в итоге ответила взаимностью на чувства молодого человека.

Название арии отсылает к истории о том, как поэт, музыкант и государственный деятель династии Западная Хань Сыма Сянжу (179–117 до н. э.) покорил рано овдовевшую поэтессу Чжо Вэньцзюнь (175–121 до н. э.) исполнением на цине пьесы «Феникс ищет пару», так что она сбежала с ним против воли отца.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17750/1660371>